

Лариса Ишбулатова

СЛОНОВИДЕНИЕ

Лариса Ишбулатова

Слоновидение

«Издательские решения»

Ишбулатова Л.

Слоновидение / Л. Ишбулатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854896-3

«Слон Слониха Слонёнок. Слоны должны жить в слоновнике», — прочитал он. Получилось неплохо. Он почти преодолел слоговое чтение. Он задумался и засунул пальцы в рот. За это его ругали. «Благовоспитанные слонята так не делают!» — говорили все. Наверное, это важно. Ведь когда он вырастет, то будет сдавать экзамен, и старшие решат, быть ему домашним слоном, диким или учёным-слоноведом. У него была тайна...» Наверное, у каждого должна быть тайна. Стоит подумать, стоит ли оставаться в своем слоновнике.

ISBN 978-5-44-854896-3

© Ишбулатова Л.
© Издательские решения

Содержание

Знакомство поневоле	6
Вода	8
Водопровод	12
Грибы	15
Звук	16
Кошачье	17
Куртка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Слоновидение

Лариса Ишбулатова

Иллюстратор Наталья Якунина

Дизайнер обложки Наталья Якунина

© Лариса Ишбулатова, 2017

© Наталья Якунина, иллюстрации, 2017

© Наталья Якунина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4896-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знакомство поневоле

Иногда распланируешь день, с виду вполне удачно, а тут случается какой-нибудь ляп, из-за которого бережно выстроенное рассыпается. Таким ляпом была наша встреча с автором этой книги. Сейчас объясню.

По первому образованию я филолог, учитель русского языка и литературы. Когда поступала, была девушкой романтической, и обратила в специальности своей только на первое слово «филолог», но обстоятельства сложились так, что прежнюю специальность пришлось «дополнить», и теперь я сею «разумное доброе вечное» как учитель-логопед вот уже в третьем детском учреждении.

Романтику бросила. Работу свою полюбила и делаю её от души и с рвением. День расписан по минутам.

Утром мне позвонила сокурсница и сообщила, что одна очень своеобразная женщина, тоже филолог и почти моя тёзка, (что удивительно, тоже Лариса Леонардовна) хочет, чтобы с её ребёнком за незначительную плату позанимался логопед. Сокурснице я не могла отказать, и мы встретились с моей вероятной клиенткой у меня дома.

Лариса Леонардовна, – осторожно представилась она, так, словно бы сомневалась в том, правду ли она говорит. И мы было посмеялись странному совпадению имён, но потом мне стало совсем не смешно. Мало того, что я никогда не видела такой неухоженной и распустившей себя женщины (я имею ввиду заплывшую фигуру и полное отсутствие косметики), она всё ещё пыталась одеваться по-студенчески. В свои «за сорок» и при своей комплекции она всё ещё ходила в джинсах и с рюкзачком за плечами. Со мной, человеком почти незнакомым, она держалась запанибрата, хотя не имела на это никаких прав, учитывая мой возраст и педагогический стаж. Она втянула меня в непринуждённую беседу и, вспоминая всех наших однокашников, то и дело выказывала признаки детской непосредственности (видимо, всё ещё ощущала себя молоденькой). Без учёта того, что визит деловой, бесцеремонно пригласила меня на чай к себе в гости «в следующий раз» (Как в деревне, честное слово!) и только после этого перешла к делу. Глядя на ребёнка, а это была девочка лет пяти с чёрными блестящими глазами, я поняла, что её воспитывают крайне эпизодически и возмутительно балуют. И, чтобы избежать проявления сердечно-сосудистой дистонии, я старалась об этом не думать и просто выполняла свои обязанности.

Со временем к ее странностям я привыкла, и даже прекратились те мелкие нервные тики, которые у меня начинались при её появлении.

Ребёнку речь я исправила. А её характер мамы исправлять, пожалуй, поздно, да и не моя специальность. Она пригласила меня в гости, как обещала. Поражало обилие сладких блюд и размеры порций. Уже провожая меня, она неловко, с какой-то подростковой застенчивостью подарила мне эту книгу.

«Чем бы дитя ни тешилось...» – мелькнуло у меня в голове. Я даже прониклась к ней симпатией, но уверена – в нашем дружном женском педагогическом коллективе она бы не прижилась!

А вот книгу до конца всё не могу прочитывать – хочется, а времени не хватает...

*Коршикова Лариса Леонардовна,
учитель-логопед*

Вода

Нога слушается ритма. Движение гончарного круга, ладоней и пальцев. Под привычную монотонную музыку рождается у мастера кувшин.

Мокрый и неказистый, как все живое в момент рождения, поднимается он как цветок. Неказистость в момент рождения вмиг приглаживает мать, согревая собой, окружая заботой. У кувшина это мастер, гончар.

Юсуф давно занимался этим ремеслом. Был он совсем мальчишкой, когда в мастерской учителя в отчаянии воздел руки к небу: «Не выходит! Не могу!» Ровными и правильными выходили кувшины и прочая утварь, но не дышали, не жили. Засмеялся учитель: «Видел я, как ты работаешь. Когда после первого обжига ты вытаскивал кувшин из печи, ты забыл три раза сдуть с него пыль и протереть рукавицей».

Учитель был прав. С той поры много воды утекло. Теперь он и сам учитель. Вот только со вчерашнего дня нет покоя. Ночью во сне крутился, а утром два кувшина испортил. Все проклятый старик перед глазами. Постучал вчера в их ворота путник. Чалма серая от пыли, халат в дырах, кожа, как листья увядшего растения, шуршала под ветхой одеждой. Руки и губы его от старости мелко дрожали. Старик был слеп. Глянул он невидящими бельмами – Юсуфа как оггло. Казалось, видит он лучше любого зрячего. В горле, сухом, как стебель верблюжьей колючки, дрогнул кадык – и заговорил путник скрипучим властным голосом:

– Знаю, что хороший ты гончар, Юсуф. А хороший ли хозяин?

Юсуф уважал старость. На почетное место усадил путника. Надия угощение принесла и детям на своей половине наказала не шуметь.

– Хорошие у тебя дети и жена красивая – продребезжал гость, поблагодарив за угощение. Юсуф удивился – ведь старик-то слепой, дети к нему не выходили, да и Надия при нем чадры не снимала.

– Не волнуйся, Юсуф, – ответил незнакомец на его мысли, – я все про всех знаю. Знаю я, что мастер ты – лучше не сыскать. Потому и пришел к тебе. Глаза мои незрячие больше твоих видят. Тяжело это. Одно утешение – недолго мне осталось. Только прежде должен я весть недобрую в дом твой принести.

– Какую весть? – ледяные мурашки пробежали по спине радушного хозяина.

Старик бережно поднес дрожащими руками пиалу к дрожащим губам, осторожно выпил остатки чая, пиалу перевернул и прошептал себе в ладони молитву.

– Уходить тебе надо, Юсуф, с детьми и женой уходить. Будет в ваших краях засуха. Вода уйдет. Придет другая вода, что у людей разум отнимает. И только в твоих кувшинах будет лишаться она своего злого свойства.

– Так, значит, я людям и помогу! – обрадовался Юсуф.

Покачал гость головой грустно:

– Уходи, мастер!

Вошла Надия за светильником – она уже детей спать укладывала, и показалось Юсуфу, что глянул на нее похотливо слепой гость и нехорошо усмехнулся. «Отходить бы его палкой, да собак спустить», – подумал хозяин, да вовремя опомнился. Улыбнулся ему старик, как ребенку:

– Не сердись, Юсуф, умирать мне скоро. Хороший ты человек...

Любил жену свою Юсуф, да так, что больше ни разу не женился.

Светом озарялось все вокруг, когда лицо она открывала. Лепестками розы пахло тело ее, и дарила она радость и покой. И в ту ночь пьянил его запах розы, и радовался он жене своей. После приснилось ему злое беспощадное солнце и вода, издающая странное бормотание, похожее на слово «уходить».

Несколько раз представлял он себе, как уходит из родного селения, не говоря ни слова, оставляя добрых людей без помощи и предупреждения, – не получалось. Рано утром увидел он птичку. Свила она гнездо под самой крышей его дома и теперь вдохновенно пела. И подумал Юсуф, что непременно будет у него ваза, прекрасная, как эта песня. В мастерской он заметил, что некоторые из его учеников, потрудившись еще немного, смогут работать самостоятельно.

Весь день так и проработал он, то и дело забываясь своими мыслями, а вечером решил, что со следующего дня начнет рассказывать всем о таинственном путнике и будет всем раздавать свою посуду.

Так и сделал. Не раз обошел он селение и каждому жителю обо всем рассказал. И слушали его и мужчины, и женщины, и дети, и старики, знавшие его с малолетства. Говорили с ним и в богатых домах, и в бедных, и подарки его принимали.

Шли дни. Отцвели тюльпаны в степи. Увяло нарядное покрывало. Земля высохла и затихла. Только ветер и зной звенели в ковылях, золотых от жара, да перекасти-поле шуршало на разъяренном солнце. Ушла влага, да только люди, предупрежденные гончаром, впрок водой запаслись и жили как ни в чем ни бывало: веселились, ходили друг к другу в гости. Юсуфа здесь знали с рождения, а он знал здесь каждую песчинку, каждый камешек. За радушие и беззаботность любил Юсуф это селение и окончательно передумал его покидать. Птичка под крышей петь перестала – у них в гнезде птенчики вылупились. Лишь иногда по очереди слетали их родители во двор – воды попить и подкормиться. Юсуф опекал их и все думал о вазе.

Однажды утром, подходя к мастерской, услышал он голоса:

– Где он?

– Сейчас придет, мастер-благодетель!

– Завидуешь?

– Да тут и завидовать нечему – зло берет. Из учеников меня отпустить не хочет, а все потому, что боится славу свою потерять. Как же он тогда указывать станет, кому из какой посуды пить?

А потом слух пошел, что неспроста Юсуф селенье обходил и неспроста расщедрился так, что посуду, сделанную на продажу, даром раздавал. Не тот, дескать, у мастера глаз теперь и руки теперь не те. Видели, дескать, как он сам ошибается и работу свою портит. Есть среди его учеников моложе и лучше. У них посуда и легче, и крепче, и красивее.

Стали меньше у Юсуфа посуду покупать, а дареную не берегли – побилась. Тем временем беда пришла. Засуху переждали – дело для этой земли привычное. Юсуфа слушать не стали – кто головой для вида покивал, кто улыбнулся лукаво, а кто и рассмеялся в голос. И пошла жизнь своим чередом, та, да не та.

С удивлением и страхом стал замечать Юсуф, что дети, играя, стремятся увечить друг друга: избивают до крови товарища, тычут палками в глаза. Если увернулся – выиграл, глаза лишился – не обижайся – проиграл. Заводилой у них сын мясника сделался, которого прежде за жестокий нрав не любили. Бегал он теперь с ватагой ребятишек, на щенках, котятках да на воробьях отцовское искусство показывал, да так, чтобы крови больше и больнее.

И запретил Юсуф своим детям на улицу выходить.

Взрослые меж тем в гости друг друга уже не звали – словно боялись чего-то. Случайного путника за приветствие едва камнями насмерть не забили.

Делом своим никто не занимался. В базарный день в город никто не ездил. Лица у всех были такие, будто спят и сон дурной видят. И пришло селение в упадок. Один Юсуф в мастерской работал, да в город на продажу посуду возил. Стали на него коситься, жадным и ненасытным называть. Жена заскучала – соседки с ней знаться перестали. Как увидят – шепчутся, как змеи шипят. А дети спрашивать стали: «Почему мы одни играем? Почему нам к ребятам нельзя? Стал думать Юсуф, как спасти селение и его жителей. Искал лекаря. Только лекари никакой болезни не видели – подумаешь, порядки изменились, и так люди живут. А безумие тем временем разные шутки шутило: забывали люди как жилища строить, как огонь добывать, как одеваться, как еду готовить. Стали они беспечны как младенцы, только младенцы злые. Стали они калечиться: кто топором себя поранит, кто обварится, кто отравится. Еду у Юсуфа воровали, а воду брали из колодца и пили из чего попало. Раз вернулся Юсуф из мастерской, а по двору черепки раскиданы, сидит посреди двора Надия, платье в навозе перемазано, и плачет. Стал обнимать и спрашивать.

– Не могу я больше, – зарыдала она, – то прочь от меня разбегаются, то проходу не дают. Камни и помет вслед бросают. Говорят, что ты со своей посудой во всем виноват!

Сказала она ему, что люди приходили, разбили посуду и дом грозились спалить, если они не станут как все. Задумался Юсуф. Закончил он сегодня вазу, прекрасную, как весенняя песня птицы, а гнездо той птицы гости непрошенные разорили. Огляделся он – а дети его у дальнего сарая в страшную игру с палками играют. Зазвучал в его голове знакомый голос, и возник образ старика перед глазами. Только увидел Юсуф его зрячим:

– Что же ты, гончар, не послушался? Жил бы у меня теперь безбедно. Что тебе эти люди? И жена твоя нынче убежит воду из колодца пить. Дети твои с Яхией, сыном мясника, подружились.

– Так это твоих рук дело, колдун! – вскричал Юсуф, – Я тебе за этим понадобился?

Закивал головой старик:

– Прозрел я, когда поговорил с тобой. А уйдешь – и вовсе помолодею.

Вышел Юсуф за ворота. Улица как вымерла. Калитки незапертые, как рты беззубые хлопают. Дома как ослепли. Сельчане из своих домов высыпали, окружили его, будто злые дети, стали бить и кричать, корча безумные рожи.

– Бегите, – сказал он, улыбаясь сквозь слезы, – на кладбище халву раздают...

Все разбежались, а он побрел к тому месту, где колодец. Вода была обычной на вкус. Он выпил и шепнул: «На, молодец!». И побежал вслед за всеми – на кладбище. Там хоронили безвестного старика. Говорят, при жизни он был слеп. Кто зашивал его в саван, рассказывали, что на нем была бедная одежда, и шея его, как стебель саксаула торчала.

Сельчане по доброте душевной всегда хоронили нищих у себя на кладбище, даря им последнюю свою заботу, даже если не знали их при жизни.

А поутру проснулся от птичьего щебета – это птичка хлопотала над гнездом. Он вспомнил, что вчера закончил вазу, – и стало легко на душе.

Когда он вернулся из мастерской, во дворе черепков уже не было...

Дивная восточная мелодия сплетала узоры в воздухе. Праздник...

Тьфу ты, праздники кончились. Будильник в комнате доцента Расимова показывал без двадцати пяти девять. Это счастье, что живет он в двух шагах от университета. Есть еще время собраться и добежать. Доцент Расимов был физиком и занимался структурированной водой. Первая пара сегодня у первокурсников. Это вводная лекция. Вчера весь вечер он думал, как сделать ее более занимательной, почти всю ночь рылся в книгах, искал легенды о воде и дополнял ими лекцию в нужных местах. «Присниться же такое!» – поражался он, взлетая по ступенькам. В аудитории 417 его уже ждали.

Вечером, расслабленный, снова он вспомнил про свой сон. Листая собранное, наткнулся на суфийскую легенду:

«Выпил он новой воды и стал безумен, как они, и подумали все, что обрёл он разум»...

«А у нас-то не так вышло», – почему-то обрадовался он, не переставая думать про сон. Старый кувшин из необожжённой глины, когда-то подаренный ему товарищем в Средней Азии, показался очень похожим на посуду Юсуфа...

Водопровод

Ленточка яркая, завязанная замысловатым бантиком.

– Вот! – Я протянула ослепительную коробочку. – На работе с Днём рождения поздравили!

– Ох, и молодцы ваши девочки – и внимание, и оформление, – мама протёрла упаковку от невидимой пыли.

«Так-таки...» – простучала откинутая картонная крышка.

– Покажи! Покажи! – заскакал от радости мой Петька – как все дети он любил сюрпризы и подарки.

Из-под своих хрустяще-бумажных пелёнок показались чайные чашки с беспечными летними цветами.

Я купила это в маленьком магазинчике на углу – самой себе. А День рождения у меня завтра...

Показалось, что мыши скребутся. Б-р-р! Была бы у меня шерсть на холке – встала бы дыбом. А это сыпалась штукатурка с потолка в коридоре. Потом закапала вода.

– Тряпку, тряпку возьми! Да уйди ты, простудишься! Я сама!

Я отошла по привычке – маме было бесполезно возражать.

– Что стоишь, – звони им уже, а то это никогда не кончится!

Звоню новым соседям – длинные гудки. Над ухом слышу:

– Что за люди! Безобразие!

– Алло, – наконец ответил беспомощный сонный голос.

Я оттарабанила, что полагается в этих случаях, изо всех сил стараясь быть вежливой, бросила трубку и побежала в комнату к Пете. Сынишка раскинулся в своей кровати, отбросив одеяло, и, крепко схватив за ухо странного синего зайца. В комнате всё подчинялось детскому сонному дыханию, Я поправила одеяло и поскорее вышла, чтобы не нагнать в мирное сопение ненужного беспокойства.

– Алло, Марат Васильевич! Авария! Протечка у нас! – хриплый натруженный женский голос с потугой на сексуальность. Это Алия, диспетчер – фильмов насмотрелась про героинь с таким голосом. Опять напортачили! Теперь в неурочный час нужно бежать на работу. Господи, вскакивать, как в кино про сыщиков, прямо с двуспального дивана, от сонной жены, на ходу надевая брюки, и бежать.

«Сработанный ещё рабами Рима». Кто это написал? Ну вот, это про тот самый дом и его сантехнику. Он на динозавра похож – большой, старый и страшный, и жильцы там друг друга не знают. Да, ещё с сантехниками разбираться. Разбираться, и, доходчиво матерясь, объяснять всем и каждому всё.

Если потоп вселенский, средство одно – ковчег. Во всех остальных случаях возможны варианты, особенно после ночного звонка в дверь.

У визитёрши, оказавшейся моей новой соседкой, на губах, несмотря на сонный вид, глубокую ночь и странные обстоятельства, была отличная защитная «офисная» улыбка. Эту улыбку можно было узнать отдельно от всего, как улыбку Чеширского кота.

– Ты? Привет! – Казалось, Инга совсем не удивилась. Только зелёные, как зелень тропических джунглей, глаза стали чуть шире, и пару раз взлетели ресницы.

– Я. А ты как здесь? – я спросила и почувствовала себя так же странно, как нелепые слоны на длинных и тонких ногах с картины Дали. Где-то совсем неподалёку от меня безвольным блином расплавилось время, и мы запросто по-девчоночьи обнялись.

– Вот тебе и День рождения...

– Помнишь? Неужели?

– Помню. Поздравляю!

Она чмокнула меня в щёку, а я её – в модно выстриженный височек. От её волос пахло горьковатым парфюмом, и я вспомнила, что когда-то между нами пробежала кошка. У этой кошки, как и у Инги, была грация играющего котёнка...

– Ты с ней дружишь? – осторожно спросила как-то наша литераторша. Её светлые брови поползли вверх от моего утвердительного ответа. – Ничего. Хорошая девочка, – наконец взяла себя в руки тихая ленинградская старушка.

– Ну что же общего-то у вас? – отчаянно жестикулируя, вопрошала мама. Тихой она никогда не была, а рукоприкладство было у нас в доме непринято.

Может быть, Инга была слишком улыбочива, а, может быть, слишком подвижна и раскована. Она воспринимала мир, как лист бумаги, на котором ей предстоит нарисовать себя. Она шила из вчерашних лоскутков наряды по завтрашней моде и несла высоко взбитую чёлку, как флаг современного искусства. Лицо было главным объектом боди-арта. О, это был вызов общественности, испытание местных пенсионеров на толерантность. Тогда и слова то такого не знали, поэтому, если даже высказывались по поводу терпимости, то только в сочетании со словом «дом».

Вечерами она рассказывала, как ей удалось удрать от навязчивых ухажёров. Обе мы громко смеялись. Она при этом выглядела, как человек, побывавший в джунглях.

Мы тогда ещё читали про джунгли, и играли в куклы, правда, бумажные куклы были забавой девочек после лет десяти и ценились на манер теперешних барби. Её красавицы были в смелых нарядах, мои – почти в монашеских.

«Ты проживёшь долго и умрёшь своей смертью в своей постели», – говорила она мне с нежностью. Идеальная фраза для психологического триллера. Тогда мы об этом не думали – просто не смотрели триллеров. Сама она собиралась умереть красиво – не иначе, как разбившись на красивом мотоцикле или самолёте, ну, или в джунглях, в пасти у льва, за секунду до спасения...

«Она ненормальная, – пилили меня, – она испорченная», – и я удивлённо представляла себе Ингу в виде испорченного яблока с червяком. Когда мы читали одни и те же книги, она выбирала в любимчики отчаянных героев, а я правильных, слегка занудных. Мы вместе слушали «Аквариум». Мы слушали его и сейчас, вытерев насухо пол в ожидании «специалиста». На столе стояли мои «летние» чашки. Мама удивлённо сидела рядом.

Не стоило вспоминать того, кто нарушил когда-то нашу идиллию. Он наяривал на гитаре длинными пальцами и выдавал чужие песни за свои. В качестве моего мужа он не прижился...

– Ну, что, Игорёк, долго Васильич орал? – нет, изнеженная с спа-салонах и соляриях спинка в сочетании с эротической хрипотцой в голосе действует, как фруктово-алкогольный коктейль. Правда, до любимого Игорем «Нью-Йоркского яблока» Алиа не дотягивала. Не хватало чего-то: то ли крепости кальвадоса, то ли изысканности.

– Ох, орал. Я могу даже смысл передать.

....– Ой, не надо, – устало попросила она, и её маленький пальчик задумчиво обвёл его губы и спустился к подбородку.

Игорь промолчал. Да и Васильич не догадается, что при установке смесителя он нарочно перетянул гайку. Студент заочного отделения психологического факультета, он писал дипломную работу «Влияние стрессовой ситуации на коммуникативные способности человека» и принципиально ни у кого не списывал. Вскоре он защитил её на «отлично».

Какая рыба в океане
плавает быстрее всех?
Какая рыба в океане

Плавает быстрее всех?

Вопрошал динамик магнитолы голосом Гребенщикова. За окном был солнечный декабрьский день. Мы пили чай из «летних» чашек. Между нами бегал Петька. Он был толерантен...

Грибы (Фантазия)

– А смешно..., – проговорил Он задумчиво из своего угла. И Его философское настроение прямо-таки взбесило его супругу:

– Тебе смешно? Ты даже не хочешь подумать о будущем?

– Что о нем думать? – спросил он почти с детским удивлением, едва разлепляя пухлые губы.

– А ведь когда-то именно эта детскость, – вспомнила Она, – привлекла Ее и заставила изменить жизнь. А жизнь изменила Ее. Стройная и элегантная, Она стала тяжелой и одутливой.

Он изменился мало, только слегка располнел, этакий толстый престарелый мальчик.

– Милая, ведь наши дети выросли, а мы почти прожили жизнь. Видели мало? Что же, редко кому из наших удастся увидеть больше. Нужно быть другой породы и родиться в другом месте, чтобы получилось иначе...

– Но бывают же еще внуки и правнуки, бывают чудесные места, интересные события... Давай собаку заведем, в конце концов! А наши дети? Ведь пока мы живы, мы нужны...

– Собаку? Но какую собаку? Почему не кошку? – лениво шлепая губами, спросил Он.

Дети. Они были рядом и одновременно очень далеко. Общались редко. Раньше, любознательные и забавные, они задавали много вопросов. Казалось, они гениальны, или почти гениальны. А теперь они как все, или почти как все, или даже немножко хуже...

Вообще-то все шло как обычно. Только поступающие сверху прогнозы не радовали. Он понимал, почему Она нервничает, и старался быть терпеливым – ведь они долго и хорошо жили вместе. Стало известно, что солнце совершило свой годовой оборот и опять пошли дожди. Несчастье грозило повториться. Правда, ученые сумели сделать так, что приходящие снова и снова страшные паразиты болели и гибли, употребляя в пищу это. Многие теперь и правда пасутся в других местах и питаются по-другому. Только все равно из года в год разносится от жилища к жилищу крик боли...

Кто не знает, что лучше всего делать это утром? Роса. Свежо и немного зябко. Летняя приветливость сменилась осенней церемонностью. Воздух позвякивает красными и ярко-желтыми листьями. Лес как нарядная могила. Все постепенно замирает. Жизнь течет, чтобы постепенно замерзнуть в белом сне. Вот тогда и появляются грибки.

– Ой, вот он, беленький! – Маша низко нагнулась и сорвала гриб.

– Везучая, Машка! – щелкнул языком Артур. Ему и правда меньше везло. То ли потому что Маша внимательнее, то ли потому что на глаза ему попадались все больше ее лодыжки.

– Прелесть какая! – пропела Маша, любуясь добычей на вытянутой руке.

– Прелесть, – буркнул Артур, – я тут читал одну статеечку. Интересно получается. Так вот, то что мы собираем, у грибов это...

– Что?

Молодой человек явно смутился.

– Ну, что?

– Он зашептал в хорошенькое ушко.

По тихому осеннему лесу звонко прокатился звук пощечины...

Звук

Звук летел прямо и рисовал в воздухе неровности, как рисует неровности кисточка, вздрагивая на шершавой стене. Низкий и хрипловатый, он просочился в полоску между штор, с которой начинался день. День нанизался на него, как бусы на нитку. Так бывает с теми, кто любит вспоминать. Так было и с Марком. Все шло обычным порядком. Но звук оставил следы в каждом уютном углу – в глубоком кресле, на кожаном старом диване, в бесподобно теплой шали и даже на кухне, где и без того много острых и приятных запахов – всюду чувствовалось его присутствие, несмотря на то, что сам звук давно уже испарился. Проходя мимо уже привычного шкафа в гостиной, он вдруг явственно почувствовал и вспомнил, что там было пианино. У инструмента чудесный грудной голос. Вокруг него собирались хозяева и гости. Марк, совсем еще маленький, сидел возле матери слушал и молчал. Он вспомнил тепло и запах молока, и еще то, что все звуки казались ему тогда безопасными. В этот дом часто приходили дети и устраивали оглушительно веселые игры. Марку хотелось быть с ними, но мать уводила его и братьев в другую половину дома. Странно, но раньше в доме удобнее было прятаться и больше всего умещалось – и людей, и запахов и предметов. Марк тогда любил прятаться, искать и делать тайники. Бегать и шуметь с детьми подростку Марку уже позволялось. Тогда же он полюбил занятия спортом и стал следить за порядком в доме. Его братья устроились в других местах, а он остался здесь.

Закончив обычные дела, он отправился на прогулку. В ближайшем парке Марк знал каждую тропинку и всех, кто в нем гуляет. Сегодня у него особенное настроение, и обычный маршрут оживает и становится волнующим. Сегодня она опять вышла из машины, скользнула по нему быстрым беличьим взглядом и ушла в непременно сопровождении. Когда-то она жила рядом, и они гуляли вместе. Наверное, это была детская дружба. Они радостно ловили весенний воздух и солнце, иногда прячась в заветных, только им известных уголках. Потом она выросла и стала жить в другом доме. Поговаривают, дела ее наладились, и она не единожды имела успех на различных выставках. У нее замечательные дети. Всем удалось удачно устроиться. Сама она была еще не старой и по-своему красивой.

Марк вернулся, ощущая утренний звук и музыку проданного неизвестно куда пианино. Нет, все хорошо. Заслуг не так много, но ведь главное – дом, любовь и человеческое тепло. В доме есть хозяйка – чудесная женщина. Марк подошел к ней, внезапно ощутив нежность. Она засмеялась и озорно почесала за ухом:

– Маркуша, пришел, милый! Сейчас накормлю и музыку послушаем!

Марк лизнул ей руку и лег рядом, положив голову на лапы.

– Ой, что ж ты грустный такой?

К сожалению, пес не мог рассказать, как взволновал его душу звук пролетевшего «кукурузника». Раньше они летали часто. Тогда Марк был еще щенком.

Кошачье

Тот, кто придумал, что кошки избегают человека, если ему скоро умирать, не знал, что у нас тоже есть сердце. Я живу в большом тёплом доме со множеством укромных мест. В нём есть хозяин и хозяйка. Они уже немолоды. Тела их пахнут осенними листьями.

Я люблю подходить к хозяину. Он гладит меня и позволяет спать на мягком. Хозяйка любит чистоту, и рядом с ней всегда есть еда. Она хорошая, но у нас разные представления о чистоте и порядке, поэтому под горячую руку ей лучше не попадаться.

Когда я родилась, люди называли меня Марусей, хотя у меня уже было своё имя, не помню какое. Наверное, это не важно, потому что хозяйка вообще зовёт меня Муркой, чтобы не напрягать память, а хозяин чешет за ухом и молчит.

Ночью воздух колюч. Хозяин мнёт пальцами горло, кашляет и задыхается. Тогда хозяйка бежит, и в доме пахнет лекарствами. Она смотрит прямо перед собой, как слепая, и даёт ему скляночки. Она, наверное, и правда не видит ничего сквозь мокрые глаза и упавшие на лицо волосы.

Когда ему становится легче, он снова гладит и чешет меня за ухом. Пальцы его, в тот момент холодные и чужие, как зубья расчески, коробят моё тело. Но я ухожу, только когда он уснёт – ведь он же хозяин моего дома.

Ночью воздух будоражит. У меня ещё много дел. Люди не любят, когда их беспокоят ночью. Они спят и пропускают самое красивое время суток. Я ухожу одной мне известными лазами, чтобы вернуться утром. Ночь душиста и полна звуков во все времена. День полон звуками, как мусором, ночь – полна звуками, словно письменами. Где-то пробуют голос неокрепшие отпрыски нашего народа, где-то дерут глотку настоящие мачо.

Я всегда выбирала самых сильных, но их всё меньше. А теперь во мне шевелятся мои маленькие живые комочки, я говорю с ними и не ищу никаких встреч.

Нужно многим объяснить, что этот дом только наш. В отличие от котов, мы, кошки, делаем это молча, оставляя следы и запахи, убивая мелких тварей с голыми хвостами. Сначала они похожи на маленькие игрушки, которыми я забавлялась в детстве. Мне весело их догонять. Потом они мерзко пищат, и это меня раздражает. Затем они оскорбляют меня своим запахом так, что хвост мой дрожит от возмущения. Когда же дело кончено, и они лежат, как маленькие тёплые тряпочки, я сама решаю, что с ними делать – съесть или поделиться с кем-нибудь теплым и сочным мясом маленьких врагов. Люди не любят моей добычи. Детёнышей ещё нет, и я ем вражескую плоть, не оставляя никаких следов. Я присматриваю новое место для рождения детей. Оно должно быть тёплым безопасным и тайным. Старое место нашла хозяйка, и дети мои исчезли. Я могла бы запомнить обиду и уйти, но это наш дом, и однажды заведённый порядок не может быть нарушен.

Утром я снова прихожу в дом и дышу вместе с хозяином, даже если грудь его попискивает, словно в ней поселилась мышь. Сегодня он увидел меня и не улыбнулся.

Люди до конца остаются в своей постели, доходя до беспомощного состояния. Когда я стану бессильной, то уйду далеко, в секретное место, известное мне одной, чтобы не нарушать заведённого порядка. Там я увижу ночь, полную запахами и звуками, словно письменами...

Куртка

Слышали вы когда-нибудь, как заводится «Рено Пегас»? Это музыка... Я работаю таксистом в компании «Чайкоффский». Через две «эф». Это не орфографическая ошибка. Чайкоффский – наш любимый ресторан. Там очень вкусный чай и кофе. Всё остальное – тоже здорово. От него в городе есть кафе, бистро и служба такси. А композитор... Впрочем, ему бы понравилась моя машина. Он бы написал чего-нибудь. Когда меня спрашивают: «Азамат, зачем ты её так обхаживаешь?», я отвечаю: «Машина – это первая жена!». Хорошо, что Юлька не слышит – она бы обиделась.

Вот я просыпаюсь, глаза не открыл ещё, а слышу – Юлька уже по комнате порхает. Тихо – боится меня разбудить. В воздухе слабый запах весенних цветов. Я знаю, что это не духи. Это её, Юлкин запах. Открываю глаза и становлюсь нежным до неприличия. У нас с ней на всё времени хватит...

Не помню, сколько было у нас этого сладкого времени – задремали оба. А потом зазвонил мобильный и нужно было ехать, потому что клиент всегда прав... Стал свою куртку надевать, а Юлька моя и говорит:

– Хватит тебе её носить, я уже в трёх местах зашивала, она всё равно рвётся...

– Ладно, только я сам себе её куплю, – на ходу пообещал я.

Клиенты у меня – все люди нормальные. Может богатые не все, но скупердяев, дураков и алкоголиков уже нет. Сам исключил. Скромность, стабильность, деловитость.

Каждое утро, выходя к своему «Пегасу», я встречаю чудака дядю Колю. Возраста у него будто бы нет, как нет и многого другого. Он давно застрял годах на сорока, сохранив на сорокалетнем лице детское выражение, а в сорокалетнем теле душу ребенка. Глаза его всегда удивлены, рот полуоткрыт. Говорят, у него ни кола, ни двора, одна прописка и та чудом сохранилась, как и маленькая комната на первом этаже, которую убирала какая-то старая женщина. Говорят, это какой-то диагноз, но это не моё дело. У нас с ним ритуал:

– Азамат, у тебя машина хорошая. Я в соседнем дворе такую видел. Красивая. Но у тебя лучше, – смущенно улыбается дядя Коля. У него немного отвисает нижняя губа, как у собаки. Я вкладываю в его руку звенящей мелочи из моего кармана.

– Сам знаю. Не машина – чистая музыка...

– Спасибо, – он аккуратно кладёт мелочь в карман, задумчиво катается на раскрашенных качелях. Потом, тихо напевая себе под нос, помогает дворничихе Даше, громоподобной барышне, убирать двор. Потом, так же тихо напевая, идёт покупать на заработанные деньги леденцы и маленькую булочку. Леденцы – себе. Маленькую булочку – на крошки дворовым птахам. Он держит крошки в вытянутых руках, замирая, как дерево, и жмурится от счастья, когда к нему на руки, плечи и голову слетаются голуби, воробьи и синицы.

А меня ждут клиенты мои стабильные и шопинг, ну, то есть, куртку надо купить...

...Устал от шопинга (ну и словечко!) как от самой нуднейшей работы. Казалось, что эту шуршащую шмотную массу шил один и тот же косорукий мастер, шил, зараза, гнилыми нитками, экономя силы, время и свою бедную фантазию. Всё на мне топорщилось, хотя кособоким никогда не был. Всё было не по мне, хотя придирики к одежде – это больше по Юлькиной части. И тут блеснуло в глаза мне чем-то, я даже не понял чем. То ли молния на ней, на куртке, то ли пряжка или заклёпочка какая... Посмеялся, помню, что меня, как сороку, или, как бабу, на блестящие пряжки и заклёпочки тянет. Посмеялся и купил – очень удобная оказалась вещь.

Я проснулся от внутреннего холода. В комнате было уж очень тихо. Пахло почему-то пылью. Сумерки уже распались. Я различил пару тёмных длинных волос из Юлькиного локона на подушке, её короткий шёлковый халатик на полу. Она зачем-то называла его «туникой». В брошенном виде он был похож на крылья бабочки. Юлечка ушла. Я не понял почему.

Я смутно помнил, что накануне вечером она надувала губы, не отвечала мне, или отвечала невпопад. Я был уставший и решил всё отложить на потом, пообещав себе, что куплю большой букет завтра же, и во всём разберусь. Юлин мобильный был недоступен. Домашний её родителей тоже не откликался. Из компании «Чайкоффский» позвонили в срок. Я вышел к своему «Пегасу». Во дворе не было дяди Коли...

Весь день я ездил по каким-то медвежьим углам из одного конца города в другой. Напрасно пытаюсь попасть на «зелёную волну», весь день торчал на светофорах, пропадал в пробках. Звонил Юле, сатанея от бесконечного ожидания. Заработал за это штраф. Объяснять постовому с оловянными глазами, что звонки в пробках не создают аварийной ситуации, было бесполезно. Выехав на улицу Мира, аккуратно выполнил поворот и едва не попал под «Нефаз», который как из-под земли вынырнул. Старушка, божий одуванчик, спешившая к своей внучке, побелела, перекрестилась и сказала, что больше со мной не поедет. Я высадил её на ближайшей остановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.